

ВЗГЛЯД ИЗ МЮНХЕНА

Кто пришел: муж с Вирджинией Вульф, или Вирджиния с мужем?

Интервью с супругами Войновичами

Спасибо! — 1994 — июль/август — С. 6.

— Владимир Николаевич, начиная наш разговор, хотелось бы спросить, как воспринимается контраст между жизнью на Западе и у нас после того, как вы получили возможность вернуться в Россию?

В.Н. Я привык к этому контрасту. Для меня это как смена пейзажа: например, побыв немного в городе, я попадаю в полосу леса. Теперь это происходит без какого-либо стресса, но в 89-ом году, когда я в первый раз приехал, для меня этот контраст был существенным и эмоциональным. Когда я живу в Мюнхене, начинаю скучать по здешнему — по всему: по беспорядку, по грязи, по всем деталям и подробностям жизни. Приезжаю сюда — то же самое, надоедает очень быстро.

— Отличается ли чем-нибудь здешняя жизнь на бытовом уровне, чувствуется, что ты вдали от родины, в атмосфере чужой земли?

В.Н. Я не знаю, знакомы ли вам стихи «Тоска по родине давно разоблаченная морю» Цветаевой, достаточно сильные, на мой взгляд, которые прекрасно выражают настроение эмигранта: это полная оторванность от родного, жизнь только в чужом языке, только в чужой культуре, без надежды на возвращение, без надежды как-то повлиять на ход событий той страны, в которой родился и вырос. Но я был на Западе не один — мне всюду сопутствовала моя жена, Ирина Даниловна. У нас есть дочь, которая просто выросла в Германии, закончила там школу...

— В связи с этим позвольте задать вам вопрос — что такое женщина в жизни писателя? Я знаю, например, с Мариной Цветаевой мужьям было бы не так просто...

В.Н. Да, конечно. Я всегда в жизни любил нормальных женщин, обладающих обычным женским инстинктом, общением и нормальным отношением к жизни. А Цветаева, скажем, — великая поэтесса, но я бы не хотел быть ее мужем. Ее любовь была ущербна во многих отношениях.

— Что значит «ущербна»?

В.Н. Дело в том, что в браке и мужчина и женщина по отдельности как бы полуфабрикаты. Неправильно, когда в семье каждая сторона упорно отстаивает свою целостность. Необходимо, чтобы муж и жена дополняли друг друга, а если они невероятно индивидуальны, то им просто трудно. Выходит, они не нуждаются друг в друге. В семье достоинства одного человека должны дополняться достоинствами другого.

— Вы можете представить себе идеальную жену?

В.Н. Идеальная жена — это женщина, которая создает в доме обстановку покоя и отдохновения. Но я думаю, Ирина Даниловна лучше смогла бы ответить на этот вопрос.

И.Д. Это очень трудный вопрос, на самом деле, имеющий свою, я бы сказала, предысторию. Думаю, всем известна судьба Софьи Андреевны, жены Толстого. Это классический пример, но отношение к нему сейчас очень разное. Мне кажется, что жена писателя сама прежде всего должна быть человеком. Мне совсем не импонирует ситуация, когда женщина — просто «жена писателя», как правило, это кончается трагически. Ей необходимо прежде всего быть индивидуальностью.

В.Н. А я сказал, что каждый должен быть половинкой личности...

И.Д. Я считаю, что каждый человек должен быть личностью, индивидуальностью, и писатель особенно нуждается в помощи, понимании. Жене писателя нужно любить и ценить его творчество. В моем понимании всякий брак, а тем более брак писателя, — это сосуществование двух личностей.

— Ирина Даниловна, ваш муж — творческая личность, писатель. Часто говорят, что не приведи Бог быть родственником талантливого человека. Это так?

И.Д. Каждый человек по-своему труден, а творческие люди — особенно. Поэтому я бы не сказала, что Владимир Николаевич совершенный ангел...

В.Н. Но близок к этому! (Смеется).

И.Д. В общем что-то получается... Художники действительно часто бывают сосредоточены на своем творчестве. Это, очевидно, какая-то норма. У нас есть дочь — и мы оба участвуем в ее воспитании, прежде всего духовном, значит, не полностью он на себе сосредоточен.

— Ваша любовь с первого взгляда?

И.Д. Нет, я думаю, это было немножко по-другому. Мы просто учились в одном институте, и я знала, что есть такой талантливый человек... Для меня это было постепенно. Достаточно долгая история.

В.Н. А я как раз с первого взгляда. Мы познакомились с моей будущей женой, когда студентами поехали на целину. Я учился после армии, был старше, а она — сразу после школы. Вот мы с моим приятелем Олегом Чухонцевым — ныне известным поэтом — на какой-то станции вышли прогуляться вдоль платформы. Вдруг встречаем группу девушек, он меня знакомит. Среди них — Ирина Даниловна, которая мне очень с первого взгляда не понравилась... Я и не ожидал, что впоследствии будет наоборот.

— За что же она вам так не понравилась?

В.Н. Мне показалось, что она очень самоуверенная, важная и надменная, да еще так разговаривала снисходительно. Вот я и решил — задавала! А на целине она была поваром...

И.Д. ... и готовила порции щей человек на 60...

В.Н. Ей однажды здорово досталось. Там работали трактористы и комбайнеры, а они любили очень густой суп, почти как каша — словом, по-крестьянски. Мы жили в палатках. Когда выпадал снег, никто не работал, все сидели, чистили картошку. И вот она однажды сварила суп... Бригадир комбайнеров стал есть и говорит: «Шо це таке?», украинец он был. А Ирина Даниловна — девушка образованная — отвечает: «Это суп пейзаж». Тут бригадир и разразился: «А, мать твою так! Чисть сам, ешь сам, пей сам!» — и бросил ложку.

— Ирина Даниловна, вам нравится, что у мужа есть известность?

И.Д. С одной стороны, это тяжело. Хотя мне приятно, что он хороший писатель, его книги читают. Вместе с тем мы должны были эмигрировать... Но все-таки уже тогда «Чонкин...» был переведен на многие языки, в эмиграции Володя написал несколько книг. Я очень люблю «Москву...», его пьесы.

В.Н. Судьба писателя действительно в этой стране сложна. Меня, например, много преследовали, а значит, преследовали всю семью. Когда нас выгнали отсюда, мы очень переживали, и таких переживаний было довольно

много, жизнь была рискованной физически, потому что КГБ хотел именно физически меня уничтожить. Естественно, для Ирины Даниловны это было достаточно серьезное испытание.

И.Д. В любом случае судьба хорошего, а значит, честного писателя здесь была сложна. Поэтому люди, бывает, сходили с ума, начинали пить... Я не знаю ни одной легкой судьбы. Вот почему важна не слава, а то, что за ней стоит.

— Можно сказать, что сия чаша вас миновала?

И.Д. Нет, не миновала, у нас много чего было... Правда, с ума никто не сошел, но эмиграция — действительно тяжелое испытание. Сейчас ситуация тоже сложная, хотя прошло тринадцать лет, и дочь наша в Германии выросла, но мы живем на два дома, а это достаточно неприятно.

— В каком смысле?

И.Д. И в житейском, и в психологическом, ведь западная жизнь существенно отличается от здешней. На Западе, например, уже не спросили бы так о роли женщины в жизни мужчины. Там женщина — равноправный партнер. Поэтому вернуться сюда — это вернуться к какому-то далекому прошлому, для меня по крайней мере. Здесь совершенно другие отношения, домостроевские какие-то. Не говоря уже о чисто материальных вещах... Жить проще или здесь или там, а вместе это трудно.

— И в общении с людьми это как-то ощущается?

И.Д. Да. У моей мюнхенской студентки есть русский друг. Они ходят в какие-то компании, и ее воспринимают, как она говорит, в качестве его украшения, то есть иначе, чем на Западе. Здесь другое восприятие людей — главенство мужчины во всем. Когда я, например, звоню своей подруге — жене писателя — и спрашиваю: «Как у тебя дела?», она отвечает: «Ты знаешь, он написал такую прекрасную статью, ему звонят, ах, как хорошо он написал, как это важно!» То есть на вопрос о ее делах она отвечает рассказом о делах мужа, будто ей нечего сказать о себе самой.

В.Н. Ну что, она будет рассказывать, как она сварила борщ?

И.Д. В том-то и дело, что она не только борщ варит!

В.Н. И если спросишь Беллу Ахмадулину, она не скажет тебе: «Боря написал картину». Все зависит от того, насколько творческой личностью является сама женщина. Может, муж Петрушевской сварил борщ — она тоже не будет об этом говорить.

И.Д. Но из здешней жизни ты мне можешь привести в пример, пожалуй, только Ахмадулину и Петрушевскую. А они ведь известные личности. Дело в том, что там обычная жизнь больше равна всем, а жизнь здесь рассчитана на гениев, и вокруг них все крутится, и в рот им смотрят с придыханием. Это и русская традиция, и прошлый век... Это очень недемократично, по существу. А там жизнь рассчитана на среднего человека, и эту среднюю личность так же уважают, как и гения.

В.Н. На Западе совершенно то же самое, что и здесь, я с тобой совершенно не согласен. Ведь если придет Гюнтер Грасс со своей женой, то скажут, что пришел именно Гюнтер Грасс со своей женой. Или, например, никому не придет в голову сказать, что приглашены муж с Вирджинией Вульф, а не Вирджиния Вульф с мужем.

И.Д. Я не об этом. Я говорю, что там каждая личность имеет свое пространство, а здесь все отношения рассчитаны на неравенство.

В.Н. У нас есть знакомая, у которой муж американский адмирал, сама же она русского происхождения. Вот она говорит, что если Ника берет метлу и подметает двор, то это никого не удивляет там. А в России, если адмирал выйдет с метлой... (смеется)

— Где, на ваш взгляд, предпочтительнее

говорят: женщина независима. Поэтому дошли до того, что американский мужчина никогда не подаст женщине пальто. Бойтесь, что ему просто дадут по морде.

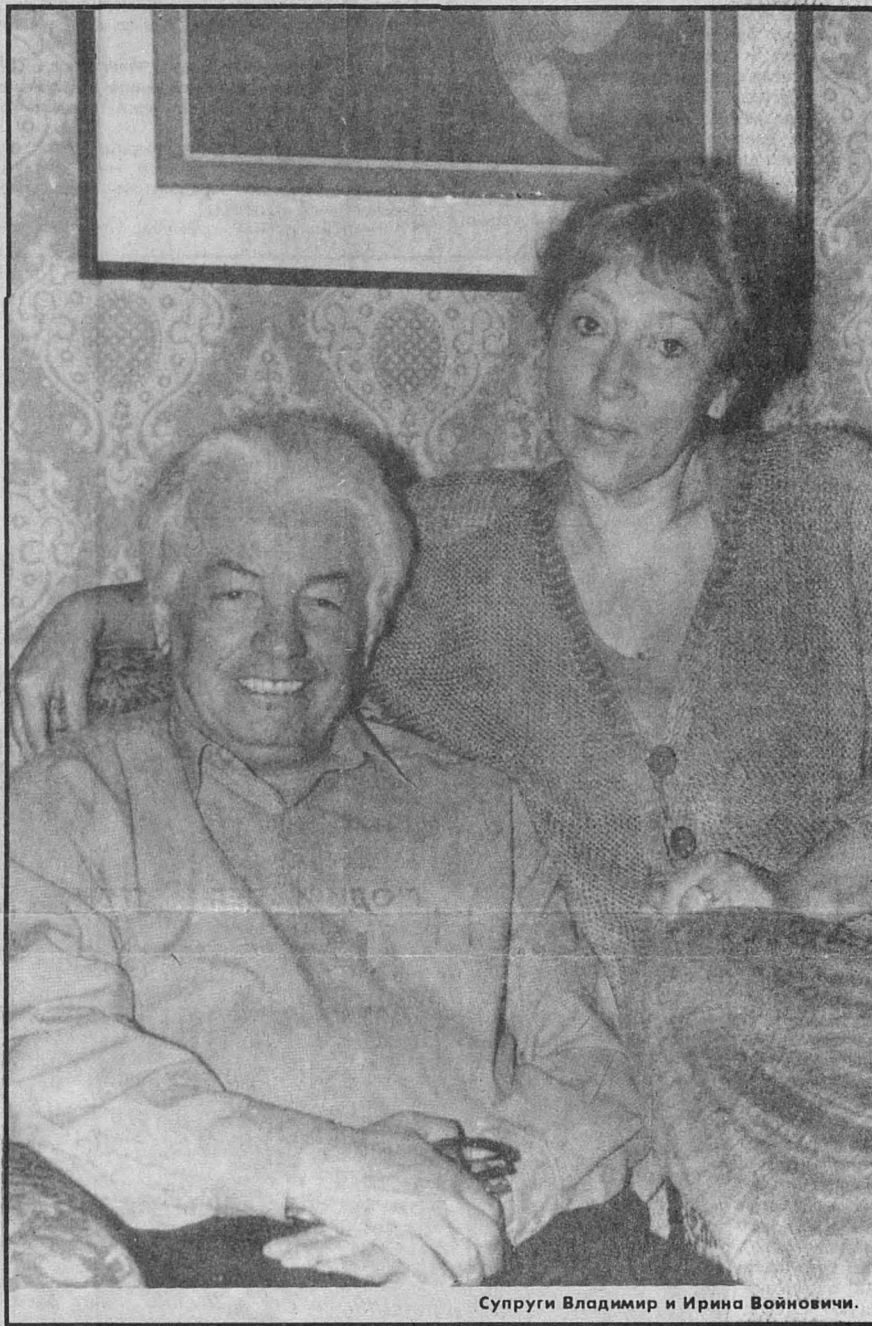
И.Д. Нет, это неправда! Нормальный профессор университета всегда подаст своей жене пальто, а то, о чем ты говоришь — просто издержки, исключение...

В.Н. Они зашли так далеко, что боятся даже слово лишнее сказать.

— Но для вас самих что приемлемее — Россия или Запад?

И.Д. Нас туда фактически выгнали, и первые годы были очень трудными, я их проплакала, думаю, что это понятно. Сейчас это 13 лет жизни, ко многому мы привыкли там, я вошла в ту жизнь. Но духовная атмосфера здесь гораздо богаче, интереснее, от этого нигде не денешься. Остается лишь радоваться, что сейчас можно жить не «там» и «здесь», а просто в мире...

Беседовала Анна МИШИНА

Супруги Владимир и Ирина Войновичи.